

Roman Jurkowski

"O sposobach mających wzmocnić świadomość narodową Białorusinów i przeciwdziałać ich polonizacji" : tajny memoriał mińskiego gubernatora Aleksieja Girsza o polityce rosyjskiej wobec Białorusinów i Polaków w przededniu I wojny światowej : część II

Przegląd Wschodnioeuropejski 5/1, 302-321

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ROMAN JURKOWSKI

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

O sposobach mających wzmocnić świadomość narodową Białorusinów i przeciwdziałać ich polonizacji. Tajny memoriał mińskiego gubernatora Aleksieja Girsy o polityce rosyjskiej wobec Białorusinów i Polaków w przededniu I wojny światowej. Część II

Cztery lata (1901–1904) pracy na stanowisku powiatowego marszałka szlachty (*предводителя дворянства*)¹ w Poniewieżu uświadomiły Aleksiejowi Girsowi, że dominacji polskich ziemian w życiu gospodarczym, kulturalnym i towarzyskim – nawet w tak małej jednostce administracyjnej jak powiat – nie są w stanie ograniczyć nawet najbardziej dotkliwe i przemyślane systemy prawno-administracyjne. Aby te ostatnie przynosiły korzyści w postaci „wzmocnienia żywiołu rosyjskiego”, tenże żywioł powinien być dodatkowo wspomagany i, co więcej, inspirowany do rozwijania szerszej działalności przez państwo i Cerkiew prawosławną. Objęcie funkcji gubernatora mińskiego, w guberni, gdzie polskie ziemiaństwo było wyjątkowo liczne, bardzo zamożne i dobrze zorganizowane (w Mińskim Towarzystwie Rolniczym kierowanym przez Edwarda Woyniłłowicza), jeszcze tylko potwierdziło obserwacje wyniesione z powiatu poniewieskiego w guberni kowieńskiej.

Dlatego druga część memoriału, mimo że nadal mówi o walce z wpływami polskimi i katolickimi, nie zawiera już propozycji kar i ograniczeń, a wskazówki i pomysły jak pomagać Rosjanom i prawosławiu w zdobywaniu coraz to nowych pozycji w życiu ekonomicznym, społecznym, kulturalnym i religijnym. Osiem podrozdziałów drugiej części memoriału, to: 1. *Rosyjska własność ziemska*; 2. *Seminaria nauczycielskie*; 3. *Słabości szkolnictwa podstawowego na Białorusi*; 4. *Opracowanie i popularyzacja materiałów historycznych*; 5. *Bractwa prawosławne*; 6. *Mińskie Prawosławne Bractwo św. Mikołaja*; 7. *Średnie i wyższe szkoły rolnicze na Białorusi*; 8. *O budowie cerkwi prawosławnej pod wezwaniem świętych Cyryla i Wawrzyńca w Turowie*. Można je pogrupować w trzy bloki tematyczne: o problematyce ekonomicznej (nr 1), oświatowo-naukowej (nr 2, 3, 4, 7) i religijno-społecznej (nr 5, 6, 8).

Tylko podrozdział pierwszy dotyczy spraw ekonomicznych – powiedzmy – podstawowych, bo przeciw silnym gospodarczo polskim ziemianom przez

¹ Wyjaśnienie różnicy między (*предводителем дворянства*) a marszałkiem szlachty por.: wprowadzenie do cz. I memoriału: „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2013, t. 4, s. 583, przyp. 7.

kilkadziesiąt lat po powstaniu styczniowym nie udało się stworzyć porównywalnej siły w postaci rosyjskich właścicieli ziemskich. Aby przyspieszyć ten proces, gubernator proponuje nie tylko utrzymanie (a nawet przywrócenie zniesionych ograniczeń), ale także realne wzmocnienie żywiołu rosyjskiego poprzez „stworzenie specjalnego zachodnio-rosyjskiego, bezstanowego banku ziemskiego, który na wzór pruskiej Komisji Kolonizacyjnej, zasilalby Rosjan z kraju kredytami ziemskimi, lub doprowadzić do rozciągnięcia sfery działalności Banku Włóściańskiego i Szlacheckiego na całą masę ludności rosyjskiej”. A więc w guberniach zachodnich cenny dla państwa był każdy Rosjanin, bez znaczenia, z jakiego stanu się wywodził. Dla zwiększenia liczby rosyjskich właścicieli ziemskich gubernator A. Girs decydował się nawet na świadome zmniejszenie liczebności przedstawicieli szlachty (najważniejszej przecież grupy społecznej w carskiej Rosji) kosztem Rosjan pochodzących z innych stanów społecznych.

Kwestie oświatowe i związane z oświatą popularyzowanie „odpowiedniej” wiedzy historycznej o „rosyjskiej przeszłości” ziem białoruskich zajmowały najwięcej miejsca w planach gubernatora mińskiego. Przy omawianiu roli seminariów nauczycielskich pojawiają się w memoriale Białorusini, tym razem jako „bogaty materiał etnograficzny”, dotąd niewykorzystywany dostatecznie przez władze rosyjskie. I tutaj ponownie wzorem do naśladowania jest dla niego hr. Michał Murawjow, który już w 1864 r. prosił monarchę o zgodę na „zatrudnianie miejscowych wykształconych włościan w terenowej administracji”. Proponując rozszerzenie w seminariach nauczycielskich wykładów z historii Rosji, a zwłaszcza z historii Kraju Zachodniego, oraz „wychowania patriotycznego i religijnego”, nawołuje jednocześnie do stosowania ułatwień w przyjmowaniu do nich ludności ukraińskiej. Naturalną konsekwencją wzmocnienia w seminariach „wychowawczo-patriotycznego nauczania opartego na historii” powinno być zlikwidowanie niedostatków w pracy szkół elementarnych na Białorusi. Przejawiają się one, zdaniem gubernatora, przede wszystkim w zbyt krótkim kursie nauczania „historii ojczystej, geografii Rosji i literatury rosyjskiej”, co owocuje tym, że „dzieci po ukończeniu szkoły nie mają pojęcia o wielkiej przeszłości swojej ojczyzny”, a dzieci pochodzenia białoruskiego nic nie wiedzą „o tych smutnych losach w historii, które przeżyli ich przodkowie w przeszłości”. Dlatego w podrozdziale zatytułowanym *Opracowanie i popularyzacja materiałów historycznych* proponuje nie tylko opracowywanie i wydawanie drukiem dokumentów archiwalnych dotyczących „rosyjskiej przeszłości kraju Zachodniego”, ale szeroki druk prac historycznych w popularnej formie, jak też wspieranie publikacji autorów, np. litewskich, którzy przeciwstawiają się dominacji kultury i języka polskiego. Przykładem takich opracowań jest według niego książka księdza Kazimierza Propolanisa *Polskie Apostolstwo w Litwie. Szkic historyczny 1387–1912* wydana w Wilnie w 1913 r. Chwali autora za pracę, „która po przetłu-

maczeniu na język rosyjski mogłaby być cennym przewodnikiem dla nauki o dziejach polonizacji w przeszłości i czasach współczesnych”.

Ale to, co potrzebne dla „sprawy rosyjskiej” na poziomie szkół elementarnych, już nie było wskazane, gdy w grę wchodziły szkoły wyższe, zwłaszcza takie, które znalazłyby studentów wśród Żydów i Polaków. Kilka lat trwały starania Mińskiej Giełdy Leśnej i władz miasta o zgodę Ministerstwa Handlu i Przemysłu na założenie w Mińsku Instytutu Handlowo-Przemysłowego. Ostateczna odpowiedź odmowna przyszła w 1913 r. i niewiele pomogły tu koncepcje połączenia daty powstania instytutu z obchodami 300-lecia Domu Romanowych. Przeciw wystąpił także gubernator A. Girs. Według historyka P. Brigadina „w lutym 1914 roku pisał on do ministra spraw wewnętrznych, iż otwarcie Instytutu posłuży tylko wzmocnieniu elementów wrogich istniejącemu porządkowi i bez tego już okazujących znaczący wpływ na życie polityczne kraju”². Oczywiście chodziło o to, że większość słuchaczy projektowanego instytutu stanowiliby liczni mińscy Żydzi.

Natomiast gubernator gorąco popierał ideę założenia w Mińsku państwowej wyższej szkoły rolniczej. Pisał o tym w podrozdziale zatytułowanym *Średnie i wyższe szkoły rolnicze na Białorusi* – widząc w takiej uczelni jeszcze jeden krok do zmniejszenia liczby polskich specjalistów (agronomów, mierniczych, instruktorów hodowli, mleczarstwa itp.) w guberni mińskiej i zastąpienia ich Rosjanami i Białorusinami. O utworzeniu takiej szkoły zaczęto mówić w Mińsku po wprowadzeniu ziemstw (tzw. stołypinowskich) w 1911 r. Oficjalnie mińskie gubernialne ziemstwo wystąpiło z projektem w lutym 1913 r. Sprawa poszła do Dumy Państwowej, gdzie na początku 1914 r. specjalna komisja wyłoniona w tym celu przyjęła projekt wyższej szkoły rolniczej przedstawiony przez B. Samojułkę – przewodniczącego Mińskiego Urzędu Ziemskiego. Przyjęty projekt przesłano do Departamentu Rolnictwa w Ministerstwie Spraw Wewnętrznych w celu szczegółowego opracowania – potem przyszła wojna...

Wzmocnienie prawosławia i związanych z nim instytucji życia religijno-społecznego podlegało szczególnej trosce A. Girsy. Mimo iż jego ojciec był luteraninem³, sam gubernator miński należał do gorliwych wyznawców prawosławia. Religia i oddanie monarchii miały być według niego najsilniejszym spoiwem łączącym Rosjan i Białorusinów w walce z katolikami i „polonizmem”. Dlatego w całej swojej działalności w Poniewieżu, Kijowie i Mińsku popierał organizacje i instytucje związane z prawosławiem. Jeszcze będąc powiatowym marszałkiem szlachty w Poniewieżu, został (8 IX 1902 r.) wybrany honorowym członkiem Birżańskiego Cerkiewno-Parafialnego Towarzystwa Dobroczynnego

² П. И. Бригадин, *Минские губернаторы: история власти*, Минск 2009, s. 310.

³ Por. wprowadzenie do cz. I memoriału: „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2013, t. 4, s. 582, przyp. 5.

„za aktywne i twórcze zaangażowanie w sprawy cerkwi w Birżach”⁴, które zaowocowało uzyskaniem od Oberprokuratora Świątobliwego Synodu środków na remont dachu i zakup dzwonu. Wśród licznych funkcji honorowych opisanych w formularzu o służbie A. Girsy wiele związanych jest z instytucjami cerkiewnymi, np. 23 lutego został honorowym członkiem i opiekunem Prawosławnego Bractwa Aleksandra Newskiego w Dźwińsku; 9 VI 1914 r. honorowym członkiem Prawosławnego Bractwa im. Świętego Kiryła – biskupa Turowskiego w Mozyrzu, a 17 VIII 1914 r. także członkiem honorowym Mińskiego Bractwa św. Mikołaja⁵. Trudno się więc dziwić, że apelował do państwa o dotacje na rozwój bractw, ich działalności wydawniczej i był gorącym zwolennikiem wybudowania cerkwi w miasteczku Turów.

Postulaty i pomysły gubernatora mińskiego przedstawione w prezentowanym tutaj ściśle tajnym memoriale pozostały niezrealizowane. Wojna, rewolucja, obalenie caratu, przewrót bolszewicki zamknęły definitywnie epokę, którą mimo wszystkich jej ułomności nazwano „pięknym wiekiem XIX”. Przyszłość czas totalitaryzmów i ludobójstwa, przy których budzące wówczas oburzenie metody i sposoby walki z katolicyzmem i kulturą polską proponowane przez Aleksieja Girsy – okazały się niewinnymi igraszkami.

* * *

Tajny memoriał Aleksieja Girsy, część II

⁶Русское землевладение⁶.

Как бы целесообразно ни были поставлены и организованы мероприятия охранительного характера, они не приведут к цели, если параллельно с этим не будут приняты серьёзные меры к более интенсивному росту и развитию русского просвещения, русской культуры, русской экономической жизни.

Истекшее пятидесятилетие, в течение которого окраинная политика держалась главным образом мер охранительного характера, уделяя мало внимания положительному русскому творчеству, показало всю несостоятельность этой односторонности.

Как только сняты были запрещения, как только общественной жизни дан был более или менее широкий простор, так немедленно же обнаружилось превосходство польского меньшинства и в культурном и в экономическом отношениях и недостаточная подготовленность русского большинства для противодействия польской гегемонии в крае. Польская

⁴ *Формулярный список об службе Минского Губернатора, в звании Камергера Двора Его Императорского Величества, Действительного Статского Советника Алексея Фиодоровича Гирса*, Нацыянальны Гістарычны Архіў Беларусі ў Менску [НГАБ] ф. 299, оп. 13, д. 421, л. 64

⁵ *Ibidem*, л. 71–72.

жизнь во всех культурных областях деятельности начала заметно брать верх над русской жизнью и вынуждает правительство вновь возвращаться к прежним мерам охранительно-запретительного характера, чего не было бы и что было бы излишним, если бы в течение истекшего полувека, параллельно с мерами охранительного характера, принимались бы и меры характера созидательно-творческого, если бы местному русскому элементу, вышедшему из-под власти Польши сильно ослабленным и в духовном и в материальном отношениях, оказано было серьёзное содействие со стороны правительства к возможно скорому возмещению его духовных и материальных потерь.

Первостепенным источником и главной основой жизненности и силы польских влияний в крае является польское землевладение. Правительство сознавало это с самого момента присоединения Западного края к России и принимало меры к ослаблению польского землевладения и к насаждению землевладения русского.

Меры эти не привели, однако, к намеченной цели: польское землевладение в крае уменьшилось весьма незначительно, а русское не возросло в тех размерах, на которые рассчитывало правительство. Причины неуспеха заключаются в том, что насаждалось землевладение исключительно дворянское, что не обеспечен был льготный земельный кредит за представителями других культурных классов общества, которые могли дать кадр культурных русских землевладельцев. При проведении земельной политики в Западном крае упущено было из виду, что в то время, когда дворянство в России, сравнительно с массою населения, представляет собою величину численно незначительную, польское дворянство, сравнительно с польским и даже белорусским и литовским населением, представляет собою величину весьма внушительную. Упущено было из виду и то обстоятельство, что русское дворянство, обладая правами государственной службы, не может создать кадра оседлого землевладения, живущего только от земли, в то время, когда польское дворянство, лишённое прав на государственную службу в крае и неохотно идущее на ту же государственную службу в центр России, создало кадры землевладельцев прочно осевших на земле, создало прочные поместно-родовые традиции и приобрело весьма сильное, как моральное, так, главным образом, материальное влияние на окружающее население.

Польское землевладение в крае – это источник, из которого питаются и польский костел, и польско-католическая пропаганда, и польская печать, и рост польского домовладения в городах, и все культурно-польские предприятия в крае, и вся та сумма старошляхетской ненависти к России и ко всему русскому, с которою правительству приходилось считаться в прошлом, приходится считаться в настоящем и придется считаться в будущем,

пока этот гордиев узел польского засилия в крае не будет разрублен решительными и целесообразными мерами.

Крестьянское землевладение, как бы оно интенсивно ни развивалось, не может считаться орудием целесообразным для разрешения национально-культурного вопроса в крае, так как крестьянство в культурном отношении поднимается слишком медленно, а между тем культурным польским силам необходимо противопоставить равные культурные русские силы.

Рассчитывать, что силы эти может дать русское дворянство, нельзя, хотя бы потому, что даже в центре России дворянское землевладение начинает идти к упадку.

Для разрешения этого вопроса необходимо обратиться, как к источнику будущих землевладельцев края, к местным русским культурным силам недворянского происхождения, к православному духовенству, давшему значительные кадры местной русской интеллигенции, весьма стойкой в национальном, религиозном и государственном отношениях, к русскому чиновничеству, среди которого часть элемента пришлого из центра России, часть же выделенного местным населением, а также к той местной русской интеллигенции, которая выделена местным белорусским населением, благодаря полувековой деятельности здесь русской школы. Эта интеллигенция, в среде которой преобладающей по численности группой являются учителя народных и церковно-приходских школ, наиболее пригодна для создания из нее кадров русских культурных землевладельцев, в виду того, что она знакома с местными условиями жизни и сельского хозяйства и безусловно враждебно настроена к колонизаторским тенденциям поляков.

До настоящего времени правительством почти ничего не сделано, чтобы использовать эти русские культурные силы в национально-государственных интересах и тем обеспечить прочную почву для национально-государственной политики в крае.

Для целесообразного разрешения этого большого вопроса соответственно насущным нуждам государства, необходимо одно из двух: либо создать особый западно-русский бессловный земельный банк, который по образцу прусской колонизационной комиссии снабжал бы русских людей края земельным кредитом, либо же распространить права крестьянского и дворянского земельного банка на всю массу русского населения.

В отношении сельских учителей и чиновников, не исключенных из податного сословия и могущих создать кадры сильных и культурных русских мелких землевладельцев, не придется прибегать даже к особому законодательству. Необходимо будет только признать за ними те права на

кредит из крестьянского банка, которым они должны пользоваться в силу своего сословного состояния.

⁶Учительские семинарии⁶.

Крупным недостатком окраинной политики было неумение использовать тот богатый и благодарный этнографический материал, который представляет собою белорусское племя.

Богато одаренное от природы, необыкновенно трудолюбивое, трезвое, несомненно преданное России и Русскому Престолу, что оно показало во время польских восстаний, это племя, при внимательном к нему отношении со стороны правительства и при умении использовать его в национально-государственных целях, могло бы выделить из своей среды крупные культурные силы.

Но этот богатый этнографический материал не был использован, так как он мог бы быть использован при тех средствах и силах, какими для этого располагало правительство в течение всего истекшего столетия.

Первым, кто понял и оценил значение этого богатого этнографического материала, был граф М. Н. Муравьев, который ещё в 1864 году исходатайствовал ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение на предоставление прав государственной службы местным крестьянам, получившим образование.

Это ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление было единственным мероприятием для использования в государственных целях белорусского этнографического материала.

Вне этого мероприятия единственным средством для выделения из народных масс культурных сил остались учительские семинарии.

Но учительские семинарии поставлены были так, что они преследовали цели исключительно педагогические и не ставили себе целей политических. В питомцах учительских семинарии, воспитывавшихся на казенный счет, видели только будущих народных учителей, но не видели того государственного элемента, на который правительство всегда могло бы опереться в проведении своих государственных предначертаний. В силу этого в программе учительских семинарий преобладающее место занимали предметы специально-педагогического характера и весьма мало места отведено было преподаванию истории, особенно местной, а также воспитанию патриотического чувства, воспитываемого главным образом на истории.

В интересах государства и нации необходимо реформировать учительские семинарии на новых более целесообразных началах. Необходимо смотреть на них не только с точки зрения педагогической, но и с точки зрения политической, как на единственный пока путь для приобщения более способных представителей белорусского племени к русской

культуре. Соответственно с этим взглядом необходимо расширить программу преподавания в учительских семинариях истории России и в особенности истории Западного края, религиозно-правственного воспитания и воспитания патриотического.

Учителей, способных выполнить важную государственную задачу, могут дать только хорошо поставленные учительские семинарии, сеть которых должна быть расширена до таких пределов, чтобы они могли обслужить учительским персоналом все существующие и предполагаемые к открытию школы по плану школьной сети, рассчитанной на введение всеобщего образования.

^бНедостатки начальной школы в Белоруссии^б.

Недостатки в постановке преподавания и воспитания в учительских семинариях и вообще в подготовке учительского персонала не могли не отразиться и на постановке обучения в начальных школах.

Главнейший из этих недостатков, который не может не останавливать на себе внимания, заключается в слишком кратком преподавании отечествоведения, географии России и русской литературы. Все преподавание этих предметов сводится к нескольким отрывочным историческим рассказам из школьной хрестоматии, составленной по одному образцу для всей России, да к нескольким стихотворениям, заученным наизусть.

В результате даже юноши, окончившие курс сельской начальной школы, не имеют представления о великом прошлом своего отечества, а юноши белорусского происхождения не имеют представления о тех печальных исторических судьбах, которые пережиты предками белорусов в прошлом.

Начальная школа Белоруссии не может игнорировать этого прошлого. Оно важнее грамматики и арифметики, которые забываются благодаря невозможности их применить на деле, между тем как патриотическое чувство, воспитанное на изучении родной истории, не может быть забыто. А прошлое Белоруссии представляет собою богатый материал для воспитания русского патриотического чувства, для воспитания любви и преданности к России и русским Самодержцам, спасшим белорусское племя от окончательного поглощения его поляками.

^бРазработка и популяризация исторических материалов^б.

Несмотря на то, что протекло целое столетие со времени присоединения Западного края к России, несмотря на то, что почти весь исторический материал, не подвергшийся уничтожению, уже собран в архивы, история края остается ещё неразработанною и недоступною массам интеллигенции.

Комиссия по разработке древних актов, работающая в Виленском центральном архиве, производит свою работу с крайней медленностью и до сего времени успела выпустить не более 50 томов актов, не охватывающих даже и десятой доли того богатого исторического материала, который заключается в этом архиве. Кроме того, акты эти печатаются комиссией в сыром виде на тех языках, на которых они были написаны – на древнем западно-русском, польском и латинском. Хотя каждый том актов сопровождается предисловием, поясняющим его содержание, тем не менее ориентироваться в этом материале может только специалист по истории. Для обыкновенных смертных он недоступен. Разработкою и популяризациею этого богатого исторического материала никто не занимается, вследствие недостатка в крае свободных культурных сил.

В результате даже лица, крайне заинтересованные в том, чтобы знать прошлое края, лишены возможности с ним познакомиться вследствие полного отсутствия необходимых для этого руководств.

В шестидесятых годах были изданы „Лекции по истории Западной России” покойного профессора С.-Петербургской духовной академии Кояловича и „История Литвы” преподавателя Брянцева. Но эти руководства сделались уже библиографическою редкостью, нового же с тех пор ничего не сделано, и лицам, интересующимся местною историею, приходится обращаться к источникам, написанным на польском языке. Но так как язык этот из русских мало кто знает, то и этот источник следует считать закрытым.

Между тем, польские историки и польские ученые работают над разработкой истории Белоруссии с крайним напряжением и в Вильне, и в Кракове, и в Варшаве и каждый год выпускают по несколько книг на эту тему, не считая массы брошюр исторического содержания, которыми завалены все местные книжные магазины.

Между прочим, в Вильне вот уже второй год выходит отдельными выпусками богато иллюстрированное издание на польском языке, под названием „История Белоруссии и Литвы после раздела”.

Вполне понятно, что в польских изданиях местная история освещается с польской точки зрения, именно как часть польской истории и весь край рассматривается как часть Польши, органически с нею связанная.

Печальнее всего здесь то, что русские историки и публицисты левого направления, за недостатком русских источников, пользуются источниками польскими и преподносят широкой русской читающей публике историю Белоруссии в польском освещении, как это делают профессор Погодин, профессор Бодуэнь-де-Куртэнэ, профессор Любавский и другие.

Таким образом, историческая истина затемняется и извращается.

Для того чтобы оказать противодействие этому затемнению и извращению, необходимо усилить работу по разработке исторических данных прежде всего обновлением и по-полнением состава Виленской археологической комиссии новыми свежими силами и затем привлечением к исторической работе, в особенности к популяризации исторических сведений более широкие культурные массы.

Местное культурное русское общество не может без содействия правительства взяться за эту работу вследствие недостатка свободных обеспеченных людей, которые могли бы отдать этой работе свое время.

Весьма возможно, что несколько премий, назначенных правительством за те или другие работы по истории Белоруссии и Литвы, могли бы дать значительные результаты, вызвав оживление в этой области.

Благодаря недостатку средств и подготовленных для исторической работы людей, остаются не использованными для правой русской литературы и беспристрастной истории и многие очень ценные произведения, написанные о крае на польском и литовском языках.

Так только на днях известный прелат ксендз Казимир Прополянис, отличающийся тяготением к России, выпустил брошюру в 200 страниц под заглавиением „Польское апостольство в Литве”, в которой с документами в руках излагает как систематически велась колонизация Литвы и Белоруссии. Брошюра эта, будучи переведенной на русский язык, могла бы быть ценным руководством для изучения истории колонизации в прошлом и в настоящем.

Правительство не может относиться безразлично к этому вопросу и должно тем или другим способом прийти на помощь местному русскому обществу в его стремлении знать историю края в беспристрастном освещении. Историческая правда здесь всецело на стороне Русского народа, и необходимо вывести эту историческую правду из-под спуда архивов.

⁶Православные братства⁶

Православные братства – древнее учреждение православной церкви Западного края. Организуемые православным духовенством под знаменем православной церкви, православные братства сыграли крупную роль в деле отстаивания православия и русской народности в период состояния этого края под польским владычеством. Хотя православные братства в то время подвергались сильным гонениям со стороны польского правительства, но имели и сильных покровителей в лице западно-русской православной знати. С течением времени, когда знать эта перешла в католичество и ополячилась, православные братства начали ослабевать и западнорусская церковь захвачена была униєю. Лишь немногие братства сумели сохранить остатки православия в крае.

Со времени присоединения края к России, православная церковь оказалась под сильным покровительством правительства, и потому сохранившиеся православные братства ограничивали сферу своей деятельности исключительно областью церковною и благотворительною.

Новый толчок жизнедеятельности православных братств дан был **ВЫСОЧАЙШИМ** манифестом о веротерпимости. Истолковав этот манифест как право самой широкой пропаганды католицизма, католическо-польское духовенство сделало сильный натиск на православную церковь, в особенности на крестьянское и рабочее население белорусского происхождения, у которого сохранились еще остатки униатских традиций.

После первой растерянности, вызванной массовыми переходами православных в католичество, православное духовенство и преданные православной вере русские люди начали собираться под древние знамена православных братств, чтобы общими силами выступить на защиту интересов веры и нации. На первых порах под знаменами братств организовались только духовенство и простонародие. Городская и сельская интеллигенция держалась в стороне от этого движения. Но с течением времени, когда стало ясно, что со стороны католицизма атака ведется не только против веры православной, но и против русской народности, против русской государственности, русскаго просвещения, русской культуры, против всего того, что носит на себе признаки русских влияний, к православным братствам потянулась и интеллигенция.

Православные братства, представляющие в настоящее время значительную силу по своей численности, как это показали съезды братчиков в Вильне, Ковне, Минске, могли бы сослужить незаменимую службу русскому народу и русскому государству в деле борьбы с католицизмом и полонизацией, если бы они располагали достаточными средствами. Располагая единственным источником дохода – ничтожными членскими взносами братчиков, православные братства не только лишены возможности завести свои органы печати для пропаганды своих идей, но в некоторых случаях не имеют даже возможности приобрести волшебные фонари для устройства народных чтений.

Недостаток средств – это главное препятствие для широкого развития деятельности православных братств. В то время, когда католическо-польская пропаганда поддерживается весьма внушительными средствами со стороны польских магнатов, а также польских национальных организаций из Варшавы, Кракова и Львова, православные братства не имеют таких источников из которых они могли бы почерпнуть средства для своей деятельности.

Если принять во внимание, что православие в крае тесно связано с русскою народностью, что оно является единственною почвою, на

которую опираются здесь и русская культура, и русская государственность, то придется признать, что всякие организации, отстаивающая православие, отстаивают в то же время и интересы русской народности и интересы русской государственности и потому имеют право не только на самое внимательное отношение к себе со стороны русского правительства, но и на самую серьезную материальную поддержку из государственного казначейства.

⁶Минское Православное Свято-Николаевское Братство⁶.

Цель Минского Православного Свято-Николаевского Братства, как это указано в его уставе, заключается в нижеследующем: а) содействовать воспитанию и просвещению учащегося юношества в духе учения православной церкви, а также просвещению народа путем беседований, чтений, лекций, воззваний в листках и брошюрах, народных библиотек, читален, школ и т. п.; б) заботиться о благолепии православных храмов, о торжестве и красоте церковных служб и вообще о процветании церковно-общественной жизни и плодотворной деятельности каждого прихода; в) стоя на страже русской народности, заботиться об улучшении экономического благосостояния местного населения содействием возникновению учреждений мелкого кредита, мелких сельско-хозяйственных обществ взаимопомощи, потребительских лавок и т. п. учреждений; г) отстаивать и защищать права и интересы православного русского населения, а равно и отдельных членов братства как перед местною, так и высшею государственною властью. Район деятельности братства простирается на все города, местечки, села и деревни Минской губернии. Братство имеет свои отделы, которые объединяются центральным советом братства, находящимся в Минске. Покровителем братства и его руководителем является Епархиальный Епископ. Отделы братства открываются по городам и селам и во главе их стоят местные священники.

Для достижения намеченных целей братство:

а) устраивает народные чтения с световыми картинками, лекции, народные концерты;

б) может издавать печатные патриотические листки и брошюры, книги для народного чтения и иметь свой печатный орган;

в) устраивает склады для продажи по возможно дешевым ценам книг религиозно-нравственного и патриотического содержания и картин из священной и русской истории;

г) устраивает с разрешения Епархиального Архиерея внебогослужбные беседования;

д) содействует развитию в народе любви к чтению книг религиозно-нравственного и патриотического содержания, устройством библиотек и читален при отделах братства и безвозмездной раздачей книг.

21 октября 1913 года высокотожественный день восшествия на престол ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА был для русских людей города Минска днем знаменательного по своей сущности торжества открытия и освящения Юбилейного дома, сооруженного на средства православного духовенства епархии в память 300-летия Царствования Дома РОМАНОВЫХ.

Преосвященный Митрофан в своей проповеди так определил назначение Юбилейного дома: „этот дом предназначен для бесед и собраний не только в праздничные дни, но и во всякое время; вскоре предполагается устроить здесь и читальню; эта мысль только в зародыше, но помещение имеется и остается обратиться только к Вашей помощи, так как даже небольшую библиотеку трудно создать на те ограниченные средства, которыми мы располагаем. Обязанность всех русских людей употребить все от них зависящее, чтобы в новооткрытом братском доме создать историческую библиотеку, в которой православный русский читатель мог бы найти всё, касающееся его прошлого, всё, касающееся подвигов его православных предков и научился бы любить это прошлое и благоговеть перед подвигами его предков”. Призывая православных братчиков к дружной и энергичной работе, Преосвященный Митрофан указывал им в своей проповеди на необходимость объединения белорусского населения на почве их духовно-нравственных, культурных и экономических интересов.

На происходившем под руководством Преосвященного Митрофана с 22–25 октября 1913 года многолюдном съезде братчиков ярко выразилась их готовность под руководством своего архипастыря работать на пользу церкви и отечества и долг правительства щедрою рукою прийти на помощь братству, так как, с одной стороны, серьезные денежные затраты неизбежны для осуществления и развития намеченной братством деятельности, а с другой стороны, материальная помощь правительства была бы лучшей нравственной поддержкой для идейных местных тружеников.

Требуемая на покрытие намеченных братством мероприятий сумма распадается на две части: единовременное и ежегодное пособия. Единовременное пособие требуется: а) на приобретение фонаря для Юбилейного дома и оборудование приспособлений для пользования им при народных чтениях – 700 рублей; б) на приобретение книг и брошюр для библиотеки Юбилейного дома – 1000 рублей; в) на приобретение по крайней мере шести фонарей и организацию народных чтений по селам – 2000 рублей, итого 3700 рублей.

Ежегодно для братства необходимо: а) на приобретение картин для народных чтений 1000 руб.; б) на вознаграждение и расходы по командировке в разные места губернии особых руководителей чтений 2000 руб.; в) на пополнение братской библиотеки 500 рублей; г) на издание листов

и брошюръ для народа 600 руб.; д) на издание еженедельного журнала „Братский Листок” 2500 руб.; е) на устройство певческих курсов 2000 руб.; ж) на устройство народно-просветительных курсов 2000 руб.; з) на устройство при братском доме осведомительного бюро по просветительным и экономическим предприятиям и посылке инструкторов и руководителей 2000 руб.; и) на содержание Юбилейного дома 500 рублей, итого 13100 рублей.

Существенная материальная поддержка Братства, о которой ходатайствует его руководитель и покровитель Епархиальный Епископ Преосвященный Митрофан, будет служить лучшим средством для противодействия польской пропаганде, обильно субсидируемой не только внутренними, но и внешними врагами единой и нераздельной Российской Империи.

^бСельско-хозяйственный институт^б.

Вопрос об открытии в крае высшего учебного заведения стоит на очереди уже несколько лет; разрешение его задерживается незакончившимися еще спорами о том, в каком учебном заведении край больше всего нуждается, в каком пункте оно должно быть открыто и, наконец, какое влияние оно может оказать на исход незакончившейся еще в крае национально-культурной борьбы между русским и польским элементом.

Последнее соображение несомненно имеет значение решающее.

Исход национально-культурной борьбы зависит не от исторических прав той или другой народности, не от численного превосходства той или другой из борющихся национальностей, а от того, на чьей стороне превосходство в культурном и экономическом отношениях. Превосходство это до настоящего времени было и теперь остается на стороне элемента польского.

Вся политика русского правительства в Западном крае, со времени присоединения его к России, направлена была на то, чтобы перевести это превосходство с польской стороны на сторону русскую.

Если эта политика до настоящего времени не увенчалась успехом, то причина этого неуспеха кроется не только в ошибках аграрной политики, о которых было сказано выше, но и в неудачной организации системы учебных заведений в крае.

В начале XIX столетия бывшим попечителем Виленского учебного округа Адамом Чарторийским создана была стройная система учебных заведений с Виленским университетом во главе. Система эта направлена была к одной определенной цели – к окончательной полонизации высших классов местного общества.

После восстания 1831 года система эта была разрушена. Но новой системы, которая заменила бы разрушенную и действовала бы в обратную сторону, создано не было. И таким образом край в течение 80 лет оставался без высшего учебного заведения.

Всякий раз, когда поднимался вопрос об открытии того или другого высшего учебного заведения в крае, на пути его разрешения становились опасения, что оно может очутиться под сильными польскими влияниями или и совершенно очутиться в польских руках.

Опасения эти несомненно имели в свое время серьезные основания, так как в крае, при избытке польских культурных сил было слишком мало русских культурных сил. В настоящее время, благодаря значительно увеличившимся кадрам культурных людей, прибывших сюда из центральных губерний России, а также лиц местного происхождения, получивших высшее образование в русских учебных заведениях, соотношение культурных сил значительно изменилось. Тем не менее, окончательного перевеса в этом отношении можно достигнуть только организацией в крае чисто русского высшего образования, приуроченного к местным нуждам и поставленного в такие условия, при которых о польских влияниях на характер и направление местных высших учебных заведений не могло бы быть и речи.

Обращаясь к местным нуждам, следует сказать, что Северо-Западный край, если оставить в стороне торговлю, которая находится исключительно в руках евреев, носит характер земледельческий с сильно развитою сельско-хозяйственною промышленностью. Следовательно, с точки зрения экономической здесь более всего необходимо высшее учебное заведение типа сельско-хозяйственного.

Этот же тип учебного заведения будет более всего соответствовать и национально-политическим интересам русского населения края.

Если в интересах усиления здесь русского землевладения будет признано необходимым расширить рамки земельного кредита и привлечь к земледелию и землевладению возможно большее количество русских людей всех сословий, то естественно, что не только в высокой степени желательно, но и необходимо, чтобы новые кадры земледельцев и землевладельцев были подготовлены к той новой роли, которую на них может возложить государство в национально-государственных целях, чтобы государственный кредит не попал в руки людей, лишенных возможности использовать его с наилучшими результатами.

Недостаток русских людей с агрономическими познаниями и в то же время знакомых с условиями местного сельского хозяйства крайне пагубно влиял на развитие в крае русского землевладения, сводя его часто к фикции.

Русское дворянство, приобретающее в крае земельныя недвижимыя имущества большею частью принадлежало и принадлежит к разряду людей служилых, занятых государственною службою и редко имеющих возможность жить в своих имениях и управлять ими непосредственно. Волею-неволею приходилось обращаться к услугам управляющих и экономов, располагающих нужными сельско-хозяйственными познаниями и, что важнее всего, знакомых с условиями местного сельского хозяйства и местной сельскохозяйственной промышленности. Русских людей, которые могли бы выполнить эту немаловажную роль, в крае совершенно не было, да и теперь нет. Естественно, что русскому помещику приходилось обращаться к элементу польскому, в рядах которого весьма много людей если не с специальным сельскохозяйственным образованием, то во всяком случае достаточно подготовленных для успешного ведения крупного сельского хозяйства и хорошо ознакомленных с местными сельско-хозяйственными условиями и с местными сельско-хозяйственными рынками.

В результате в крае сплошь и рядом приходится наталкиваться на такое явление, что имение числится за русским помещиком, состоящим на государственной службе в крае или за его пределами, а фактически оно находится в руках управляющего поляка, который заводит всю польскую челядь и устанавливает отношения к местному белорусскому населению совершенно такие же, какие устанавливаются экономией имения, находящегося в собственности поляка.

Распространение высшего агрономического образования среди русских людей местного происхождения могло бы внести в эту область значительные перемены даже в том случае, если бы не было тенденции создавать новые кадры русских землевладельцев.

Таким образом, из высших учебных заведений сельскохозяйственное представляется наиболее соответствующимъ нуждам и интересам края, так как счастливо соединяет в себе и экономические и политические интересы русского населения и дает возможность правительству с наибольшим успехом достигнуть тех целей, который оно себе ставит в этом крае.

Сельскохозяйственный институт будет иметь крупное влияние и на развитие хозяйства крестьянского и влияние не только экономическое, но и политическое. Быстрый рост в крае хуторного хозяйства породил спрос на агрономические знания. Эти знания проникают в крестьянскую среду в настоящее время двумя путями: с одной стороны через посредство правительственных агрономов и инструкторов, а с другой стороны через посредство местных сельско-хозяйственных обществ, находящихся всецело в руках поляков. Оказывая то или другое воздействие на развитие крестьянского хозяйства, польские сельско-хозяйственные общества

несомненно проводят параллельно и свои полонизаторские тенденции, которым будет положен предел, если сельско-хозяйственные знания будут проводиться в крестьянские массы исключительно русскими агрономами.

Что касается, в частности, пункта для открытия сельскохозяйственного института, то все преимущества в этом отношении на стороне города Минска.

Минск не только является географическим центром Северо-Западного края, но и центром местной сельскохозяйственной и лесной промышленности.

С 1872 по 1902 год в Минске были сосредоточены бывшим Министерством Земледелия и Государственных имуществ работы Западной экспедиции по осушению болот. Не так давно Департаментом Земледелия губернии Минская, Могилевская, Витебская, Смоленская и Черниговская выделены в особый район по культуре лугов и кормодобыванию. Эти же губернии, за исключением Смоленской, предположено включить в район работ областной болотной станции, находящейся в настоящее время в гор. Минске.

Далее с лета 1913 года Главным Управлением Землеустройства и Земледелия была сформирована особая Полесская изыскательная мелиоративная партия, имеющая своим объектом главным образом губернии Северо-Западного края.

Наряду с правительственными организациями, обслуживающими нужды полесского района в последнее время, с открытием в крае земских учреждений, возникают для удовлетворения тех же районных нужд и организации и мероприятия земские. Таковы, например, учреждаемые местными губернскими земствами культур-гидротехнические бюро, разных типов опытные организации и ряд других мероприятий общагрономического характера.

Все эти мероприятия нуждаются в подготовленных людях, а таковых на месте нет.

Независимо от всего этого, Минская губерния, с прилегающими к ней соседними губерниями с одинаковыми условиями климата и почвы, представляет собою огромную площадь с огромным запасом неразработанных природных богатств, которые ждут людей знаний и опыта.

⁶-О постройке православного храма во имя святителей Кирилла и Лаврентия в древнем Турове⁶.

Местечко Туровь, Мозырского уезда, в историческом прошлом нынешнего С.-Западного Края играет ту же роль, как вообще в России мать городов русских – Киев. Некогда славный столичный город, а ныне небольшое местечко – Туровь явился колыбелью христианства, откуда

светлые лучи евангельского учения и православной католической веры широким и ярким снопом озарили Полесье, сперва в пределах нынешних Мозырского и Пинского уездов, а затем и далее, по прочим землям теперешней Минской и соседних с нею губерний. Предание гласит, что Туровское княжество получило свое наименование от первого своего князя Тура. Варяг по происхождению Тур в составе дружины Аскольда и Дира после похода на Цареградъ, принял Св. Крещение и засим насадил учение Греческой веры и в поселениях древних ятвягов, дреговичей, кривичей и радимичей, живших по берегам Днепра и Припяти, в районе настоящих Минской, Могилевской, Черниговской и Витебской губерний. Эти славянские племена образовали собою тот народ, который теперь известен под названием Белорусов -названием, данным ему, как полагают историки, от тех белых свиток, которые носили указанные племена... Уже в половине XI вька образовалась и особая Туровская епархия, начало которой было положено при князе Владимире. Первым Епископом Туровским был Симеон, поставленный Митрополитом Киевским Леонтием, а засим 8-м и 9-м Епископами Туровскими были в XII веке ныне благоговейно чтимые населением Минской губернии Святители Кирилл и Лаврентий.

Видным и стойким борцом за православную веру своей епархии явился в этот тяжелый период гонений преследования православных Св. Кирилл. Родился он в г. Туров от бедных и благочестивых родителей, принял монашество и избрал труднейший подвиг подвижничества - столпничество. Слава о его подвигах распространилась далеко, и народом Туровским в 1169 году был избран и поставлен в епископы, оставаясь на архипастырской своей кафедре до 1189 года, когда он снова удалился уединение. В Турове и поныне сохранились следы того обиталища, „дворца“, которое занимал святитель на месте нынешней Борисоглебской церкви. Год блаженной кончины святителя точно неизвестен, равно как по сей час не удалось обрести Святыя нетленные мощи этого Праведника. Возможно предполагать, что современники святителя скрыли место его погребения, опасаясь нашествия татар и поругания дорогого для них праха. Славным продолжателем деятельности епископа Кирилла в деле насаждения православной веры явился епископ Лаврентий. Кровавая борьба с иезуитами и защита угнетенных единоверцев от подчинения Папе выпали и на долю Св. Лаврентия. Тягостный период этот в истории нашей церкви останется на веки памятным. Святитель Лаврентий, как гласит летопись, был первоначально иноком печерского игуменства, засим был на затворе в Изяславово-Дмитриевом монастыре и здесь высокими подвигами достиг дара исцелений, прослав чудотворцем. В истории не встречается следа, каким образом святитель оказался потом на епископской кафедре в Турове.

Возможно предполагать, что Изяславов Дмитриев монастырь, построенный на земле князей Туровских, находился чрез владетеля последней князя Святополка Изяславовича в тесной духовной связи с Туровом, и что этот князь пригласил туда на епископство святителя Лаврентия, прославившего себя подвигами строгой жизни и чудесным даром исцеления. Судя далее по некоторым сохранившимся документам, нетленные мощи Св. Лаврентия были найдены в церкви на кладбище Борисоглебского епископского монастыря (ныне церкви), а засим увезены в Киев, где почивают в настоящее время в Печерской Лавре.

Таким образом бывший стольный город Туров сыграл огромную роль в церковной и гражданской истории России. Он был не только колыбелью православия и государственности в С.-Западном Крае, но и оплотом для последнего в деле борьбы с польским влиянием, когда нарочно вытравлялось из памяти народа все то, что было дорого и близко для него – вера, язык и обычаи. В данное время Туров продолжает именоваться епископством, и архипастыри, призванные управлять Минскою епархиею, носят титул Епископов Туровских. Историческая связь с прошлым и благодарная память далекого потомства продолжают существовать в Турове по отношению к светлым борцам за православную веру. Ни протекшие века, ни пережитые години бедствий не поколебали торжества господствующей нашей веры. Наоборот в таких испытаниях окрепла православная церковь Полесья и по прежнему стоит на страже духовных интересов своей паствы. Но православное население уезда, чтя блаженную память Св. Кирилла и Лаврентия, глубоко, однако, скорбит душою, что поныне на месте славного служения этих архипастырей не воздвигнуто еще храма во имя чтимых ими святых. Эта грусть православного населения Минской губернии всегда омрачала светлое воспоминание истории края и в душе каждого таилась надежда на то, что рано или поздно нынешнее местечко Туров, превратясь снова в город, увидит у себя достойный памятник сподвижникам за православную веру – храм, созданный усердием верующих и в нем нетленные мощи своего чтимого святителя Лаврентия.

В настоящий момент по инициативе Мозырского Предводителя Дворянства Перрена, уже образован и утвержден Преосвященнейшим Митрофаном, Епископом Минским и Туровским, комитет по постройке в Турове храма - памятника во имя Св. Кирилла.

Храм предполагается воздвигнуть на площади местечка, так как наиболее подходящее для увековечения памяти святителя место – Борисоглебского монастыря, где жил и подвизался святитель 725 лет тому назад, ныне заливадается в половодье водой и для постройки непригодно. Церковь предполагается создать в строгом стиле XII столетия – той эпохи, когда

жили Св. Кирилл и Лаврентий, причем предполагается собрать на создание этого церковного памятника 50000 руб. путем общегубернской подписки.

Являясь памятником старины, данью благодарности и поклонения православного населения губернии пред своими местными покровителями, храм этот и в настоящее время призван будет служить к охране господствующей веры в С.-Западном Крае, являясь местным оплотом православия против поползновений запада и пропаганды католицизма. В этом отношении Минская губерния приобретет новое могучее средство борьбы с полонизацией Края и новую твердыню государственности. Исторически, следовательно, Туров будет вновь призван играть для Полесья роль защитника и рассадника религиозно-нравственного просвещения, преданности престолу и родине.

Русская патриотическая партия Минской губернии верит, что правительство поддержит идею постройки нового православного храма в Турове во имя его святителей Кирилла и Лаврентия и этою поддержкою укрепит в сознании бело-русского народа его преемственную, нравственную связь с древнею колыбелью православия на Руси.

Он надеется также, что об учреждении Комитета по постройке храма в Турове будет повергнуто к священным стопам ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Благосклонное внимание ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА к этому высокопатриотическому и государственному делу обратит взоры всей России на древний Туров и напомнить каждому, что Белоруссия была родным ее краем, горевшим светом православия еще в первые века христианства на Руси.

Было бы крайне желательно день освящения храма соединить с днем торжественного внесения в него частицы св. мощей Туровскаго святителя Лаврентия.

Минский Губернатор ГИРСЪ.

25 января 1914 года.

Uwagi:

⁴⁻⁴ Tytuły kolejnych części memoriału, umieszczone na marginesie, z lewej strony tekstu głównego.